

Нужна полная экологическая гласность!

Беседа с Н. Н. Воронцовым

Новый председатель Государственного комитета СССР по охране природы, народный депутат СССР, доктор биологических наук Николай Николаевич Воронцов 34 года связан с Академией наук СССР и не намерен оставлять научную работу. Он был сотрудником Зоологического института в Ленинграде, ученым секретарем президиума Сибирского отделения, директором Биолого-почвенного института и членом Президиума Дальневосточного научного центра и остается главным научным сотрудником Института биологии развития им. Н. К. Кольцова. Его научные исследования посвящены систематике и морфологии животных, эволюции и цитогенетике. Был участником и организатором 41 экспедиции: по Средней Азии, Казахстану, Кавказу, Европейскому Северу, югу Сибири и Дальнему Востоку. Он автор многих научных и научно-популярных публикаций, некоторые из них можно найти в старых подшивках «Природы» и в совсем свежих номерах.

Николай Николаевич — не редкий гость в редакции нашего журнала. Накануне назначения на высокий государственный пост он, по нашей просьбе, заходил в редакцию рассказать о делах депутатских. Ничто как будто не предвещало нового поворота в его жизни... Дней десять спустя наш сотрудник беседовал с ним уже в Госкомприроде СССР.

— Николай Николаевич, пользуясь Вашим давним сотрудничеством в «Природе» и добрым знакомством с редакцией, решу заметить, что назначение Вас, как говорится, «лученой косточки», на пост министра, было для многих большой неожиданностью.

— Для меня тоже. Мне уже приходилось рассказывать, что я предлагал на должность председателя Государственного комитета по охране природы шесть кандидатов. Но при этом забыл, что инициатива наказуема.

С «Природой» я действительно связан очень давно. Первую статью написал, когда мне было 24 года. Она называлась «О биологическом влиянии экспериментальных испытаний ядерного оружия» и шла в январском номере за 1959 г. Большая была статья. Естественно, с генетическими терминами. А тут появился подвал в «Правде» с критикой «ботанического журнала» — очередной рецидив лысенковщины. Меня пригласил к себе Д. И. Щербаков, бывший тогда главным редактором «Природы», и тут же присутствовал его заместитель Д. М. Трошин. Мне говорили: «У вас прекрасная статья, только уберите слова „мутации“, „хромосомы“

и т. д.» Очень хотелось написать и получить гонорар — я был тогда младшим научным сотрудником. Но я подумал: если я сейчас продамся, то что же со мной дальше будет? Статью вынули из уже набранного номера. Тогда я не догадался взять верстку. Может быть, она сохранилась в ваших архивах?

— К сожалению, нет. Это было бы любопытным дополнением к списку ваших «природных» публикаций, который я составила, готовясь к сегодняшней встрече: «Биологические

предпосылки эволюции человека», «Роль вирусов в видообразовании животных», «Генетические последствия интенсивного применения пестицидов», «Хромосомная дивергенция севакских форелей» и многое другое, в том числе прекрасный научно-биографический очерк об А. А. Ляпунове.

Мы рецензировали Ваши фундаментальные монографии — «Краткий очерк истории эволюции» [совместная с Н. В. Тимофеевым-Ресовским и А. В. Яблоковым] и «Низшие хомякообразные мировой фауны». Так что наши читатели в какой-то степени имеют представления о широте Ваших научных интересов и богатой географии исследований. Но при всем том в нашем журнале Вы не писали специально о проблемах экологии и не выступали как организатор каких-либо природоохранных дел. Это прошло мимо «Природы»!

— Я в первую очередь териолог — специалист по млекопитающим. Все мои учителя в териологии — С. И. Огнев, А. Н. Формозов, Б. С. Виноград, В. Г. Гептнер — были энтузиастами заповедного дела, спасения исчезающих видов. Это давняя традиция. С проблемами охраны природы раньше всего столкнулись те, кто изучает

крупных зверей, гораздо раньше, чем, допустим, энтомологии или ботаники. Так что с экологией у меня отношения самые тесные и давние, начиная со студенческих времен.

В пору моей работы в Сибири и на Дальнем Востоке, т. е. в 60-е и 70-е годы, мне пришлось окунуться в борьбу за охрану природы в государственном масштабе. Сибирское отделение АН СССР только еще набирало силу, и я волею судеб прошел прекрасную школу, общаясь с выдающимися организаторами науки и учеными. Я имею в виду М. А. Лаврентьева, А. М. Будкера, А. А. Трофимука, А. П. Окладникова, Н. Н. Ворожцова, Г. К. Борескова. И Г. И. Марчук сюда входит. На самом заключительном этапе я принял участие в противостоянии теперь уже забытому «проекту века» — мы «хоронили» Нижне-Обскую ГЭС. Это проект, по которому предполагалось построить гигантскую плотину в районе Салехарда и затопить большую часть Западно-Сибирской низменности. Дело зашло так далеко, что при строительстве железной дороги до Тобольска запрещалось прокладывать пути в тех местах, которые подлежали затоплению.

Ученые стояли стеной. Там была масса обоснований, сазаньки и с засолением Обской Губы, и с тем, что возникнут чудовищные болота, и с тем, что погибнут стада мигрирующих осетровых и лососевых рыб, и с тем, что Западно-Сибирская низменность — о чем говорили А. А. Трофимук, А. Л. Яцини, Б. С. Соколов и все сплотившиеся вокруг них сибирские геологи — крайне перспективна на нефтегазосность. Этому не верили. Если бы не забили первые фонтаны, то вряд ли ученым удалось отстаивать свою позицию.

Мне довелось принимать участие и в борьбе против Байкальского целлюлозного завода, который был построен несмотря на сопротивление СО АН СССР. Здесь первыми героями надо назвать Трофимука и, конечно же, Г. И. Галазю, который долгие годы возглавлял Лимнологический институт АН СССР,

и ветерана изучения Байкала М. М. Кожова. Сергей Герасимов взял Кожова в какой-то степени прототипом для персонажа своего, мягко говоря, неправдивого фильма «У озера» и тем, я считаю, нанес ему оскорбление. Это все — бескомпромиссные борцы, рыцари без страха и упрека.

Летом 1970 г. я целый месяц был представителем Сибирского отделения в Комиссии Комитета народного контроля СССР. Было установлено, что в принятом перед этим постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по охране Байкала заложено много заведомо нереальных вещей. Например, за 2-3 года прекратить перевозку леса по Байкалу «сигарками», т. е. плотами. Баргузин разматывает плоты, лес тонет, озеро загрязняется. Был записан такой пункт, но сухогрузов для перевозки леса не существовало и их производство не планировалось. И так далее. Представители пяти министерств и тогдашнее местное руководство были настроены самые острые моменты замаскировать, попросту обмануть правительство. Вспоминаю месяц работы на неровное истощение. Результат получился в целом положительный.

В силу моего официального положения в Сибири и на Дальнем Востоке мне с такого рода проблемами приходилось сталкиваться часто. Но, может быть, хватит воспоминаний?

Если говорить о степени моей компетентности в делах, которыми предстоит заниматься теперь, то когда Николай Иванович Рыжков приглашал меня на пост председателя Комитета по охране природы, он, я думаю, отдавал себе отчет, что не получит готового министра. И я даже спрашивал его, не проще ли иметь хорошего ученого в качестве консультанта, чем непопулярного министра. Но ясно, что если мне доверили этот пост, то понимали, очевидно, что я могу привлечь сюда ученых. Некоторым своим преимуществом я вижу то, что знаю московские, ленинградские, сибирские, дальневосточные институты и рассчитываю на самый прочный контакт.

— Вы могли бы рассказать о задачах Вашего Комитета, какими они представляются Вам при вхождении в должность!

— Комитет создан безумно поздно — всего лишь полтора-два года назад. Вопрос о том, что должен существовать всеоюзный орган по контролю за окружающей средой — а именно это на сегодня наша главная функция — ставился моими учителями В. Г. Гептнером, Г. П. Деметьевым и другими учеными того поколения, А. Г. Банниковым например. С конца 50-х годов стали один за другим возникать республиканские комитеты. К созданию Госкомприроды мы подошли только тогда, когда экологическая обстановка в стране стала критической и превратилась в источник социальной напряженности. Теперь стоит неотложная задача менять природоохранное законодательство, может быть, придется создать экологический кодекс неярду с гражданским и уголовным. Необходимо разработать действенные экономические рычаги. Мы должны разработать такой механизм, чтобы нерачительное отношение к природе было экономически невыгодно. И, наоборот, быстрое строительство хороших очистных сооружений, меры по ресурсосбережению должны давать предприятию ощутимую прибыль. Возможно, что следовало бы заложить в прогрессивную шкалу налогов,

Мой предшественник Ф. Т. Моргун успел провести большую работу по созданию аппарата ведомства. Однако процесс создания органов Госкомприроды еще далек от завершения. Говорить о какой-либо своей сформировавшейся программе с моей стороны было бы несерьезно. Пока я могу сказать одно: я постараюсь вокруг Госкомприроды собрать грамотных людей, чтобы коллективно мы могли давать рекомендации. И, естественно, честные экологические экспертизы. У каждого руководителя в центре и на местах должны быть карты экологической обстановки в стране. Это требует организации картографической службы особого рода, которая должна базироваться на комплексных исследованиях. На

все это понадобятся средства, которыми наше ведомство пока не располагает.

Чтобы провести грамотную экологическую экспертизу, нужно в ряде случаев не просто выхватить группу из нескольких экспертов на ту или иную стройку. Нам придется создавать собственные экспедиции, в которых должны участвовать почвоведы, географы, ботаники, геоботаники, лесоводы, зоологи, специалисты по очистным сооружениям и замкнутым системам водообеспечения, по ресурсоведению, гидрометеорологии и пр. Другими словами, в таких случаях требуется большая проработка вопроса, и Госкомприрода должна привлекать специалистов различных научно-исследовательских институтов. Они охотно пойдут, всем безразличны судьбы природы. Но сегодня, когда науку перевели на пресловутое самофинансирование, у Госкомприроды должны быть свои деньги, чтобы заплатить, допустим, Институту почвоведения ВАСХНИЛ за участие в экспедиции. Когда речь идет о том, строить или не строить предприятие в миллиарды рублей, мы должны иметь хотя бы десятую долю процента, чтобы заказывать соответствующие научные проработки.

В состав нашего ведомства, кроме нескольких научно-исследовательских институтов, входит около 30 заповедников, в основном биосферных. Это совершенно нищие организации, и люди, которые там работают, — просто подожники. Это касается не только научных сотрудников, но и егерей, которые получают 100—120 руб., не имеют права держать скот и ходят под дулами браконьеров. Заповедникам необходима материальная поддержка.

— Такое приходится слышать чуть ли не обо всех областях нашего обширного хозяйства. Как тут быть при дефиците бюджета!

— А если я скажу, что не знаю? Это по крайней мере будет честно. Рассчитываю на наших экономистов. Буду изучать зарубежный опыт. Пока

он мне говорит следующее. Во всех развитых странах на мероприятия по охране природы тратится 5 % валового национального дохода. У нас в 1981—1985 гг. — 1,23 %, в 1988 г. — 1,32 %. Но когда мы говорим об этих 5 %, нужно помнить, что районы, которые попали в число зон экологического бедствия, получают огромные вливания сверх копейчатой суммы. Американцам удалось очистить Великие озера только за счет больших дополнительных ассигнований. Приходится считаться с тем, что восстанавливать природу очень дорого. Поэтому нельзя скучиться на ее охрану.

— Итак, Вы теперь — представитель высшего звена того самого командно-административного аппарата, о котором сейчас принято судить на все лады. Ваш соратник по межрегиональной депутатской группе А. А. Собчак недавно даже напомнил, что этот слой в 18 млн. человек нашего толще буржуазно-помещичьего слоя накануне Октябрьской революции. Простите за шутку. На самом деле, увеличение числа крупных ученых в правительстве страны вселяет надежды. Но я хотела спросить: как Вы считаете, вопросы охраны природы не могли бы более эффективно решаться на уровне Советов?

— Структура организации охраны природы в разных странах разная. В Швеции, Финляндии, ГДР этими делами ведают министерства. В США существует Агентство и вместе с тем Совет по экологии при президенте. У нас создан Комитет по вопросам экологии при законодательном органе — Верховном Совете СССР. Государственный комитет по охране природы — по статусу орган исполнительный. Но у нас функции контрольно-распорядительные. По идее контрольные функции должны принадлежать Советам. И когда меня утверждали, все члены Комитета по вопросам экологии настаивали, чтобы я в отличие от других министров остался народным депутатом. Этим они подчеркивали, что союзно-республиканское ведомство Госкомприрода

получает особые права. Я думаю, что наш Комитет должен быть двойного подчинения — Совету Министров и Верховному Совету.

В нашем ведении до сих пор находится 15 республиканских комитетов. Но в республиках начинается движение по передаче их республиканским Верховным Советам. Возможно, мы превратимся в Комитет экологического контроля, наподобие Комитета народного контроля.

— Вам уже довелось сотрудничать с работой Совета Министров!

— В небольшой степени. Но успел убедиться, что понимание значения экологических проблем там есть. В начале 12-й пятилетки у нас было 23 показателя, по которым Госплан вел учет рационального использования природных ресурсов и охраны среды. К 1989 г. они сократились до 7. По счастью, в плане на 1990 г. их число все же удалось увеличить до 17.

Большую тревогу вызывает невыполнение планов ввода в действие природоохранных объектов и неэффективное использование государственных капиталовложений, в частности, за 1986—1988 гг. В целом по стране план ввода в строй сооружений для очистки сточных вод выполнен на 63,1 %, по созданию водооборотных систем — на 66 %, по газоочистным сооружениям — на 73,8 %.

Перспективы на 1990 г. пока не радужные. В связи с трудным экономическим положением снижаются капитальные финансирование в целом, речь идет и о резком сокращении строительства природоохранных сооружений. Ситуация здесь по разным ведомствам, республикам и регионам неодинакова. Вызывает удивление, что Совет Министров Казахстана в своих предложениях по снижению выбросов вредных веществ от стационарных источников загрязнения предусматривает на 1990 г. показатели ниже, чем были в 1988 г., в том числе и по таким экологически неблагоприятным городам, как Актюбинск, Джам-

бул, Павлодар, Семипалатинск, Темиртау, Целиноград и Чимкент.

Конечно, нужно отдавать себе отчет, в каком положении находится страна. Но есть вещи, на которых нельзя экономить.

Мы будем такие бороться за то, чтобы в число важнейших 14 тем государственной научно-технической программы, которая осуществляется Комитетом по науке и технике, ввести проблематику, связанную с экологическими исследованиями.

— Вы не боитесь повторения экологических катастроф?

— Они неизбежны, совершенно ясно, если не будет экологической гласности. Только полная гласность поможет двигать дело, вооружит армию неформальных экологических организаций и направит их в нужное русло. Люди должны владеть точными данными и сравнительными материалами. Они хотят понимать, куда идут процессы, что их ждет. Есть масса цифр, которые людям так же важно знать, как прогноз погоды. Вот, например, некоторые сведения по воздушному загрязнению от стационарных источников. На первое полугодие 1989 г. по сравнению с первым полугодием 1988 г. в большинстве городов выбросы уменьшились. Если говорить о твердых веществах, то в целом по стране — на 6%. При этом в Москве — на 18%, в страшно задымленном Новокузнецке — на 8%. И то, и другое выглядит как будто бы утешительно, если это реальные цифры. Но что это фактически означает? В Москве за первое полугодие выброшено 140 тыс. т твердых веществ, а в Новокузнецке — 399 тыс. т. е. в 2,7 раза больше. А ведь Новокузнецк по сравнению с Москвой — малый город.

Или возьмем, например, Мариуполь. В нем за первое полугодие выброшено 385 тыс. т твердых веществ. Почти столько же, сколько в Новокузнецке. И при этом темп снижения по сравнению с прошлым годом — всего лишь 2%. Если дело пойдет так, то Мариуполью понадобится 50 лет,

чтобы выбросы там уменьшились всего лишь в 2 раза и достигли цифры, которая много хуже, чем сегодня мы имеем в Москве.

— Известно, что у нас крайне неблагоприятная экологическая обстановка в сотнях городов. Но не обнаружены ни список этих городов, ни тем более экспертная оценка качества воздуха, почвы, воды. Правда, ежегодно издается немало книг с таблицами и графиками, отражающими превышение ПДК чуть ли не по всей таблице Менделеева. Но такого рода литература — для служебного пользования. Даже «Природа» не может приводить все эти данные. Когда это перестанет быть «государственной тайной»!

— Свою позицию я высказал и намерен ее отстаивать. Сроков назвать не могу, но считаю, что дело это безотлагательное. Люди готовы терпеть, если уверены, что их ждет что-то лучшее. И будет стимулировать усилия в этом направлении, найдут оптимальные темпы. Если человеку снадут, что ситуация в его городе улучшится в течение 5—7 лет, — он может ждать, а если этот период растягивается на 15 лет — ожидание становится невыносимым.

— Какие надежды Вы возлагаете на хозрасчет предприятий, регионов, республик!

— Без поднятия общей экологической культуры это не заработает. Если мы будем говорить о полном хозрасчете, допустим, в рамках предприятий лесной промышленности, объединенных с лесным хозяйством, — это еще может привести к позитивным результатам. Здесь есть выгода беречь ресурсы. А переход на хозрасчет, например, строительства энергетических предприятий в этом смысле ничего не даст. Как у нас планировался каскад Нуракской и Рогунской ГЭС! Ну, горы, можно поставить высокий створ плотины. Но почему рядом, в пределах Таджикистана? Да потому что энергетикам было очень выгодно перебази-

ровать стройплощадку неподалеку — с одной «великой стройки» на другую. При этом совершенно не учитывались интересы таджикского народа. По сей день стоит вопрос о снижении отметки чудовищной Рогунской ГЭС — 300 м, чтобы она не затопила плодородные земли в долинах рек — притоков Вахша, Сурхоба и Обихингоу. К тому же не учитывалось, что изымаются многие кубометры воды из притоков Амударьи, которой и так не хватает Аралу. Вода у нас ничего не стоит, земля — тоже. Как и затопляемые сады и пашни...

— Но в условиях нового хозяйствования должны сильнее действовать штрафы. Допустим, некое предприятие находится на самофинансировании и Вы накладываете на него штраф за превышение ПДК!

— Есть опасность, что будет объявлена забастовка, которая потребует снятия штрафов. С такими вещами мы встречаемся. Я могу сказать, например, что в числе требований, которые высказывались шахтерами Сахалина, была отмена штрафов за загрязнение окружающей среды.

Теперь о региональном хозрасчете. Я был среди тех, кто очень симпатизировал идее хозрасчета в Прибалтийских республиках. И теперь с пониманием отношусь к тому, что они объявили свой суверенитет на землю. Но когда они объявляют свой суверенитет на пресные воды, мне это уже не очень понятно, потому что в Прибалтику текут воды из Белоруссии и с Верхне-Волжской возвышенности. Это просто пример. Я хочу сказать, что региональный хозрасчет может вызвать региональный эгоизм, с которым мы столкнемся при размещении новых предприятий.

Нужно учитывать экологическую емкость территории, какой она может выдержать антропогенный пресс. В тундре экологическая емкость одна, в тайге — другая, в зоне лиственных лесов — третья и т. д. Сколько можно строить предприятий в одном и том же регионе? Каков эффект наложения предельно допустимых и

даже более низких концентраций токсических соединений на ту или иную среду? Это очень серьезные вопросы, которые связаны с теоретической стороной экологии, и с прикладной. К сожалению, они у нас мало разработаны. Но и сама постановка их важна.

Чтобы хозрасчет включился в решение экологических проблем, необходим высокий нравственный уровень их понимания во всех социальных группах, начиная с руководящих звеньев. Это потребует не только полной экологической гласности, но и серьезной просветительской работы. Ведь несколько десятилетий в наших школах не преподавалась общая биология и культивировались лозунги насилия над природой. Именно в это время профессия ученого-натуралиста перестала у нас быть престижной.

— В газете «Известия» Вы говорили, что в таких «непрестижных» у нас науках, как ботаника, зоология, почвоведение, гидробиология и др., мы все же занимаем лидирующее положение в мире. Нет ли здесь противоречия!

— Я должен напомнить, что очень высоко планка была поднята нашими предшественниками. Играет роль и то, что мы изучаем 1/6 часть света. Да, в конце-концов, у нас много прекрасных ученых. Но к классической биологии должного уважения нет.

Каждому англичанину известно, что он может гордиться Британским музеем естественной истории и гербарием Ботанического сада в Кью — одним из трех крупнейших гербариев мира (места между ними не разделены). А знает ли хотя бы каждый леининградец, что на Аптекарском острове находится гербарий АН СССР, тоже один из трех крупнейших в мире? Не знает. Это же должно входить в нас как элемент национальной гордости, национального самосознания. На крупнейших коллекциях строится наша биологическая культура. Такая скромная вещь, как гербарные листы, дает возможность ретроспек-

тивного анализа и прогноза развития биосферы.

Мы дошли до того, что в союзной Академии — всего один академик и один член-корреспондент по ботанике. И это при таких блестящих ботаниках, пользующихся мировым авторитетом, как А. К. Скворцов — знаток отечественной флоры и систематики, В. Н. Юрцев — специалист в области арктической флоры и др. Хотя в целом мы и здесь начинаем отставать.

— Мне вспоминается Ваша речь на митинге сотрудников Академии наук СССР у здания ее Президиума, которые собрались для того, чтобы выразить свой протест, когда на собрании актива не были выдвинуты кандидатами в народные депутаты А. Д. Сахаров, Д. С. Лихачев, Р. Э. Сагдеев и другие достойные из достойных. Ваши слова произвели сильное впечатление.

— Думаю, потому, что я говорил то, что есть на самом деле. Академия наук находится в глубоком кризисе, который возник не сегодня. Давление на Академию, ее политизация, внедрение людей, далеких от науки, началось с выборов 1929 г. На протяжении последующих 60 лет в нее избирались, безусловно, и выдающиеся ученые. Но доля администраторов постоянно возрастала. И если бы дело пошло так и дальше, то Академия наук действительно превратилась бы в «Академию директоров».

Это, конечно, не значит, что директор института априори не достоин быть академиком. Воссе нет. Но возьмем, к примеру, Дальневосточное отделение АН СССР. Начиная с 1972 г. только один человек — археолог Н. Н. Диков — был избран в Академию с должности заведующего лабораторией. Все остальные — директора. Согласитесь, это ненормальный процесс. А ведь там работают биологи мирового класса — морской биолог О. Г. Кусакян и палеоботаник В. А. Красилов.

во нападают на академическую науку, обвиняя ее во всех экологических бедах!

— При всем, что я сказал, в подавляющем большинстве случаев — нет. Все-таки нельзя забывать, что в нашей Академии всегда существовало здоровое ядро.

— И последний вопрос. Каково Ваше мнение по поводу намечающегося строительства Катунской ГЭС!

— Многие авторитетные геохимики, в частности из Института геологии и геофизики СО и из Института геохимии им. А. П. Виноградова, крупные медики выступают против, говоря, что в этой зоне находятся огромные массивы ртути и колебания уровня воды в водохранилище могут провоцировать процесс метилирования ртути. Она будет отравлять воду и землю. Меня удивляет позиция, которую занимает в этом вопросе мой коллега по Сибирскому отделению, специалист по гидродинамике О. Ф. Васильев. Вызывает много сомнений заключение, которые даются его институтом по поводу проекта Катунской ГЭС. Экспертиза Госкомприроды РСФСР дала отрицательное заключение на этот проект.

— Но правительственное решение состоялось!

— Я бы не стал торопить события. На сегодня у нас пока нет денег на это строительство. И я думаю, что в ближайшее время мы поймем, что чистая природа Алтая дороже, чем энергетические ресурсы, которые нам сулит Катунская ГЭС.

— Николай Николаевич, разрешите от имени «Природы» пожелать Вам успехов в Вашем многотрудном деле во имя нашего общего блага. И спасибо за доверительный тон беседы.

© Беседу вела Н. В. Успенская.

— Так, может быть, писатели и публицисты справедли-